УДК 81'36

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-85-93

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ЕДИНСТВЕННОГО, ПРАВДА И СИНГУЛЯРОИДЫ

Кретов А. А.*Воронежский государственный университет**394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Рассмотрены существительные с наиболее употребительной формой Иед. Установлено: 1) эти слова объединяет семантика *самостоятельного деятеля*, 2) доля форм Иед указывает на меру этой самостоятельности, 3) перед семантической интерпретацией слов грамматически и фразеологически связанные употребления форм Иед должны устраняться, 4) большая часть слов с доминантой Иед – это *сингуляроиды* с экстралингвистической мотивировкой преобладания форм единственного числа, 5) границей между *сингуляроидами* и «нормальными» словами можно считать 85% употреблений, приходящихся на формы единственного числа.

Ключевые слова: русский язык, компьютерная обработка текстов, формальное извлечение лексико-семантической информации о словах из текстов и корпусов; слова *singularia tantum* и сингуляроиды

NOMINATIVE SINGULAR, PRAVDA AND SINGULAROIDS

A. Kretov*Voronezh State University**1 Universitetskaya ploshchad', 394018 Voronezh, Russian Federation*

Abstract. The article considers nouns with the most common Nom.Sing. form. It has been established: 1) these words are united with the semantics of the independent actor, 2) the ratio of form Nom.Sing. indicates the extent of this independence, 3) idiomatic and grammatically related use of forms Nom.Sing. should be excluded before semantic interpretation of the words, 4) most of the words with dominant Nom.Sing. – these are *singularoids* with the extralinguistic motivation of the predominance of singular forms, 6) the boundary between *singularoids* and “normal” words can be considered 85% of the uses falling on singular forms.

Keywords: Russian language, computer text processing, formal extraction of lexical and semantic information about words from texts and corpora; words *Singularia tantum* and singularoids

Выдающийся отечественный лингвист Н. А. Кондрашов, столетие которого отмечаем мы в этом году, ставил в заслугу О. М. Бодянскому «прежде всего организацию преподавания “живых славянских языков, славянских литератур и истории славянских народов в Московском университете” [4, с. 51], [7]. Данная статья выполнена в рамках проекта «Живой стилистический словарь русского языка» – по созданию электронного справочника нового поколения, который позволит уви-

деть элементы лексики и фразеологии как в их динамике, так и в гендерно-социологическом аспекте [2; 3]. Внедрение в научную и учебную практику такого веб-сервиса позволит пользователям оперативно получать наиболее полную информацию о стилистической характеристике лексики и фразеологии родного языка [1].

Цель исследования состоит в том, чтобы проверить возможности применения теории, изложенной в работах В. Г. Руделёва [8] и А. Л. Шарандина [9; 10] к материа-

лу Национального корпуса русского языка. Данная публикация продолжает исследование, начатое в статье «Процесс плюрализации существительных по данным Национального корпуса русского языка» [6].

Рабочая гипотеза: распределение частот между падежными формами слова зависит от его семантики и может быть использовано для первичной формальной семантизации существительных.

Объектом исследования являются 100 наиболее употребительных существительных по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Исследование частотных характеристик падежных форм имеет более чем полувековую историю, пунктирно прочерченную в статье [5], однако попыток связать их частотность с семантикой слов нам не известно. Это обстоятельство и всё возрастающие возможности новых информационных технологий позволяют рассматривать данное исследование как актуальное.

Парадигма существительного состоит из словоформ, представляющих разные падежные значения. Эти словоформы можно ранжировать в порядке убывания их частот. Сумму частот всех словоформ можно принять за единицу, тогда относительная частота каждой словоформы будет располагаться в интервале между

0 и 1. Словоформу с максимальной относительной частотой условимся называть *доминантной словоформой* или (короче) – *доминантой*.

Доминанта является основанием для (грубой, приблизительной) семантической классификации слов по их формальным характеристикам в одном тексте или множестве текстов.

В предыдущей статье рассматривались 11 слов с доминантными формами множественного числа (см. [6]).

Среди оставшихся 89 слов далеко не все наиболее частотные словоформы однозначны. Некоторые из них обслуживают несколько падежных значений (два и более), что усложняет картину их функционирования и усложняет семантическую интерпретацию соответствующих слов. В связи с этим представляется целесообразным начать анализ со слов, у которых преобладают по частоте семантически однозначные формы, обслуживающие одно падежное значение.

Таких форм оказалось 33. Их распределение относительно доминантных (т. е. наиболее употребительных форм) представлено на рис. 1.

Начнём рассмотрение с наиболее многочисленной группы существительных, у которых наиболее употребительной в па-

Рис. 1. Распределение существительных по наиболее частотным однозначным падежным формам

радикале является форма Именительного падежа единственного числа (Иед).

Существительные с доминантой Иед

Вот эти существительные: *машина, правда, мама, бог, товарищ, сын, президент, друг, отец, женщина, жена*.

Распределение этих слов по функциональной нагрузке (ФН) на доминантные формы (т. е. по относительной частоте) представлено на рис. 2.

Для проверки рабочей гипотезы проанализируем контексты НКРЯ со словами *правда* и *машина*.

Рис. 2. Распределение слов по значениям относительной частоты Иед

Данные рис. 2 весьма интересны. Максимальную ФН (67%) доминантная форма имеет у абстрактного существительного *правда*, а минимальную (30%) – у конкретного существительного *машина*. Эти два слова явно инородны на фоне остальных, их попадание во множество Иед требует объяснения. Рабочей гипотезой может служить механизм олицетворения (уподобления человеку как правды, так и машины).

Все остальные слова объединены семантикой ‘самостоятельный деятель’ и (за исключением слова *бог*) – ‘человек’.

Если принять ФН на форму Иед за меру власти и самостоятельности, то окажется, что по этому показателю *мама* превосходит *президента* (о *боге* – умолчим). И это не удивительно: ведь *мама* взаимодействует с *ребёнком*, а *президент* – со взрослыми людьми.

Следующее множество составляют слова *товарищ*, *жена* (по 49%), *сын* (47%) и *отец* (46%). Показательно, что слов *подру-*

га, *муж*, *дочь* и *папа* в первой сотне наиболее частотных существительных НКРЯ не оказалось. Это косвенно свидетельствует о преобладании «взрослых» и «мужских» текстов в НКРЯ.

Следующее подмножество составляют слова *бог* (41%), *друг* (38%) и *женщина* (34%). Интересны получившиеся пары: *товарищ–жена* и *друг–женщина*, а также пара *сын–отец*. На фоне *мамы* (которая, конечно, может быть соотнесена с *сыном*, но по ФН нагрузке на 36% превосходит его) близость, почти тождественность ФН в паре *сын–отец* представляет эту пару как реальную, а пару *мать–сын* скорее как умозрительно-логическую.

Проверим, изложенную выше гипотезу, начав со слова *машина* и обратившись к контекстам употребления этого слова в НКРЯ.

Перепроверка распределения частот слова *машина* на большем материале НКРЯ дала результаты, представленные ниже в табл. 1.

Таблица 1

Распределение форм слова *машина* по частоте употребления в НКРЯ

Падёж	Слформа	Раз	Отн
Ред/Имн/Вмн	машины	878	0,29150
Иед	машина	579	0,19223
Вед	машину	542	0,17995
Рмн	машин	428	0,14210
Дед	машине	364	0,12085
Тед	машиной	80	0,02656
Пмн	машинах	66	0,02191
Тмн	машинами	52	0,01726
Дмн	машинам	23	0,00764
ВСЕГО:		3012	1,00000

Данные табл. 1 свидетельствуют, что слово *машина* не принадлежит ни к числу слов с доминантой Иед (самая употребительная форма – *машины*), ни к числу грамматически однозначных форм (форма *машины* может употребляться в форме Ред: *Шоссе покрыто гладкой ледяной коркой, колёса машины скользят* [Татьяна Толстая. Ураган над Нью-Йорком // «Русская жизнь», 2012]; в форме Имн: *За время теста машины прошли примерно по 700 км* [Анатолий Карпенков, Юрий Нечетов. Балтийские головастики (2003) // «За рулем», 2003.05.15]; в форме Вмн: *Погрузили в машины ящики с автоматами, винтовками, патронами, гранатами; ... сели в машины и умчались* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]; *В недельный срок предложено снести гараж – а куда машины дену?* [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]¹. Следовательно, слово *машина* не принадлежит к рассматриваемому в данный момент множеству и не нарушает логики его семантизации.

Обратимся к анализу слова *правда*. На первый взгляд, наша гипотеза о метафорическом употреблении слова *правда*, основанном на олицетворении, имеет основание. Достаточно привести стихотворение В. Высоцкого «Притча о Правде и Лжи», целиком построенное на олицетворении:

¹ Здесь и далее примеры НКРЯ даются в тексте статьи со ссылками на источники и с указанием даты публикации.

*Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек, –
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила:
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.*

*И лежковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне, –
Грубая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась – и осталась довольна вполне.*

*И поднялась, и скроила ей рожу бульдожьей:
Баба как баба, и что её ради радеть?! –
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.*

*Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз;
Деньги взяла, и часы, и ещё документы, –
Сплюнула, грязно ругнулась – и вон подалась.*

*Только к утру обнаружила Правда пропажу –
И подивилась, себя оглядев делово:
Кто-то уже, раздобыв где-то чёрную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.*

*Правда смеялась, когда в неё камни бросали:
«Ложь это всё, и на Лжи одеянье моё...»
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами её.*

*Стервой ругали её, и похуже чем стервой,
Мазали глиной, спускали дворового пса...*

«Духу чтоб не было, – на километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!»

Тот протокол заключался обидной тирадой
(Кстати, навесили **Правде** чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется **Правдой**,
Ну а сама – пропилась, проспалась догола.

Чистая **Правда** божилась, клялась и рыдала,
Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах, –
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла –
И усакала на длинных и тонких ногах.

Некий чудак и поныне за **Правду** воюет, –
Правда, в речах его **правды** – на ломаный грош:
«Чистая **Правда** со временем восторжествует, –
Если проделает то же, что явная Ложь!»

Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь.
Могут раздеть, – это чистая **правда**, ребята, –
Глядь – а штаны твои носит коварная Ложь.

Глядь – на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь – а конём твоим правит коварная Ложь.
(1977)

Во-первых, в этом тексте олицетворение орфографически выделено: **Правда**-личность пишется с заглавной буквы. Во-вторых, слово **правда** используется также в синтаксически и фразеологически связанных значениях (ниже такие употребления помечены разрядкой):

Некий чудак и поныне за **Правду** воюет,
– Правда, в речах его **пра в ды** – на **ло ман ы й**
г ро ш:

Могут раздеть, – это чистая правда, ребята
<...>

Распределение частот в парадигме слова **правда** по данным НКРЯ представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение форм слова **правда** по частоте употребления в НКРЯ

Падеж	СлФорма	Раз	Отн	ВводнС	Раз-2	Отн-2
Иед	правда	1851	0,76678	1283	568	0,50221
Вед	правду	254	0,10522		254	0,22458
Ред	правды	147	0,06089		147	0,12997
Дед	правде	99	0,04101		99	0,08753
Тед	правдой	54	0,02237		54	0,04775
Рмн	правд	3	0,00124		3	0,00265
Тмн	правдами	3	0,00124		3	0,00265
Тед	правдою	3	0,00124		3	0,00265
ВСЕГО:		2414			1131	

Употребление слова **правда** во множественном числе составляет 0,00248, т. е. менее ¼%. При этом слово **правда** не относится к словам *singularia tantum*, но очень близко к этому. Такие слова можно было бы назвать *сингуляроидами* (от *singular[ia tantum]* + суффикс *-оид* со значением 'подобный').

Как видим, более половины употреблений слова **правда** (1283 из 2414) приходится на употребление его в значении вводного слова: **Правда**, при таком подходе могут по-

являться такие формы, как «умерел» вместо «умер», но это всегда можно отнести к особенностям авторского языка [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004]; Берет был заломлен лихо на ухо. Пера, **правда**, не было. Короче говоря, передо мною стоял Мефистофель. [М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)]; Был, **правда**, «товарищ Абрам», но он офи-

циально проходил как «Крыленко» [Алексей Симонов. Борьба с крайностями (2003) // «Известия», 2003.02.25].

Из оставшихся 1283 употреблений слова *правда* часть употреблений (18) приходится на онимические – названия газет. Например: *Была ли это «Правда»*, «Сибирская *правда*» или «Баргузинская *правда*» (как и была ли это правда вообще) – припомнить не могу [Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)].

Типичным контекстом употребления слова *правда* является его употребление в отождествительных контекстах (вопросительных или утвердительных): *Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая...* [А. П. Чехов. Вишнёвый сад (1904)]; «*Это правда?*» – спросила Варя. Не ответил. «Значит, *правда?*» Кивнул [И. Грекова. Фазан (1984)]; Ну так вот, *это чистая правда*: мой отец всю жизнь сводил женщин с ума [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]; *Это была правда*, дядя Миша был щеголь, шил у лучших портных и сапожников и лошадей своих содержал, как никто [Анатолий Рыбаков. Тяжёлый песок (1975–1977)].

Ещё один устойчивый контекст употребления этого слова – конструкция «Не правда ли?»: *Ведь она и так страдает, незачем же причинять лишнюю боль там, где это не нужно? Не правда ли?* – Правда! – с восторгом согласился Ланэ [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958)]; «– Да, возраст – это наш кошмар, *не правда ли?*» [И. Грекова. Летом в городе (1962)]; Простите, но это более таинственное явление! Более или менее, *не правда ли?* Вы шутите, сэр? [Василий Аксенов. Крутые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]; В этом воспоминании автор уверен, если с человеком случается что-либо экстраординарное, не то, что случается каждый день, он помнит, *не правда ли?* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)].

Следует отметить, что наряду со «свободными» значениями существительного, слово *правда* (причём в форме Иед) употребляется также в функции других час-

тей и частиц речи: наречия – «Ты *знаешь*, Мухин *правда* хороший специалист, мы *убедились в этом*»; частицы – «*Чудесный вечер, правда?*»; вводного слова – «*И правда*, всю свою премию он перечислил в детский фонд»; уступительного союза – «Дом хороший, *правда*, старый»; междометия – «Лиза выходит замуж. – *Правда?* – Она сама мне сказала»¹.

Поскольку частота манифестации в тексте грамматических значений значительно превосходит частоту лексических значений, по-видимому, это и является одной из главных собственно лингвистических причин попадания слова *правда* в класс САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, маркированных доминантностью формы Иед в парадигме.

Тут уместно поставить вопрос о количественной границе между «нормальными» существительными и сингуляроидами. Ответ на это вопрос может быть получен только в результате отдельного масштабного исследования. Пока мы можем привести лишь данные, имеющиеся в нашем распоряжении. См. табл. 3 (без представленных выше данных по словам *машина* и *правда*).

Таблица 3

Распределение слов с доминантой Иед по доле форм единственного числа (в НКРЯ)

Леммы	Раз	Ед	Мн
отец	297	0,94949	0,05051
бог	236	0,94492	0,05508
сын	162	0,93827	0,06173
президент	252	0,93254	0,06746
жена	357	0,88796	0,11204
мама	107	0,85047	0,14953
друг	330	0,76970	0,23030
товарищ	175	0,63429	0,36571
женщина	366	0,51009	0,48991

¹ См.: Правда // Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века: АРТ-ПРЕСС-ШКОЛА, 2016. С. 877.

Наглядно данные табл. 3 представлены на рис. 3.

Средняя доля форм ед. числа девяти слов, приведённых на рис. 3, составляет 0,82419. Если принять её за границу между нормой и аномалией, то «нормальных» слов окажется всего три: *друг*, *товарищ* и

женщина. Остальные придётся отнести к *сингуляроидам*.

При этом попадание в это множество слов *отец*, *Бог*, *президент*, *жена* и *мама* логично – по крайней мере для православного человека (не язычника – *Бог* един в трёх лицах) и не мусульманина (*жена* – одна).

Рис. 3. Распределение слов с доминантой Иед по суммарной доле частот форм ед. числа в НКРЯ

Несколько неожиданно в этом множестве слово *сын* – ведь их может быть несколько. Неужели, это отражение демографической ситуации последнего полувека? Учитывая преобладание в НКРЯ текстов именно этого периода, такое предположение представляется правдоподобным. Тем более что множественное число тяготеет к метафорическому употреблению типа «*России верные сыны*». Так из 581 примера, выданного НКРЯ, в 468 случаях (а это – более 80%) представлено не прямое, а метафорическое употребление. При этом 55 случаев употреблений – это фразеологизмы: 50 – *сукины сыны*, 3 – *чёртовы сыны*. Часто встречаются *сыны России, Израиля, Родины, Отечества, Отчизны, народа, страны, степей, гор*. Быть может, дело в конкуренции альтернативной формы – *сы-*

новья (2570 вхождений в НКРЯ против 1089 вхождений формы *сыны*). Эта форма в 22 случаях (3,7%) реализуется в конструкции *годиться в сыновья кому-л.*, (слово *сыны* в этой конструкции встречается гораздо реже: 1 раз на 581 пример (0,17%): *Ты мне в сыны три раза годишься, а ты со мной так разговариваешь* [Василий Шукшин. Демагоги (1958)]). Словосочетания типа *сыновья Отчизны* крайне редки: 2 случая из 598, по одному разу встретились *сыновья России, Заведья, Иакова, Хета, помещиков, трёх рек, Закатных Вершин и крылатых волков*. Формы *сыны* и *сыновья* явным образом специализируются: *сыновья* – на прямом значении (94% употреблений), *сыны* – на переносном (81%).

Завершая рассмотрение множества существительных с доминантой Иед, ре-

зюмируем: 1) это множество объединяет слова с семантикой *самостоятельного деятеля*, 2) доля форм Иед позволяет градуировать меру этой самостоятельности, 3) грамматические и фразеологически связанные употребления форм Иед являются искажающим и затемняющим фактором, который следует устранять перед этапом семантической интерпретации слов, 4) доля форм единственного числа у слов этой группы может существенно приближаться к единице, что превращает их в *сингуляроиды* – слова, занимающие промежуточное положение между «нормальными» словами и словами *singularia tantum*, 5) большую часть слов с доминантой Иед представляют собой *сингуляроиды* с экстралингвистической мотивировкой преобладания форм единственного числа, 6) в рамках рассмотренного материала границей между *сингуляроидами* и «нормальными» словами можно считать 85% употреблений, приходящихся на формы единственного числа, а границей между словами *singularia tantum* и *сингуляроидами* 100% словоупотреблений: любая доля в интервале между 100 и 85% характеризует *сингуляроид*.

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках проекта «Лингвистическая подготовка и создание электронного “Живого стилистического словаря русского языка”», поддержанного грантом РФФИ № 17-04-00421.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out as part of the project “Linguistic preparation and creation of the electronic “Living stylistic dictionary of the Russian language”, supported by the RFBR, grant No. 17-04-00421.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алгоритмы составления корпусов «Живого стилистического словаря русского языка» и его программная разработка / Авамилова Э. А., Векшин Г. В., Кретов А. А., Максимов Е. С. // Книга в современном мире: место в культурной парадигме общества в условиях цифровой революции: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 155-летию Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И. С. Никитина (Воронеж, 26–28 февраля 2019 г.) / науч. ред. Ж. В. Грачева. Воронеж: ООО «Принт», 2019. С. 4–19.
2. Векшин Г. В., Гейченко С. А. Основы стилистической семантики: учебное пособие. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. 128 с.
3. Векшин Г. В., Шилихина К. М. Об источниках словника «Живого стилистического словаря русского языка» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 16–20.
4. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: МГУ, 1956. 87 с.
5. Копотев М. В. К построению частотной грамматики: русские падежи по корпусным данным // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008 С. 136–151.
6. Кретов А. А. Процесс плюрализации существительных по данным Национального корпуса русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2018. № 4. С. 147–161.
7. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
8. Руделёв В. Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. Друг мой – язык. Избранные произведения по общему и русскому языкознанию. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2002. С. 36–49.
9. Руделёв В. Г., Шарандин А. Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий // Теория содержательной формы. Тамбов: ТГПИ, 1981, С. 32–54.
10. Шарандин А. Л. Лексико-семантические разряды русского глагола // Семантика языковых единиц. Т. 2. М.: СпортАкадемПресс, 1998. С. 46–50.

REFERENCES

1. Avamilova E. A., Vekshin G. V., Kretov A. A., Maksimov E. S. [Algorithms for compiling the corpus of the “Living stylistic dictionary of the Russian language” and its software development]. In: *Kniga v sovremennom mire: mesto v kul'turnoi paradigme obshchestva v usloviyakh tsifrovoy revolyutsii: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 155-letiyu Voronezhskoi oblastnoi universal'noi nauchnoi biblioteki im. I. S. Nikitina (Voronezh, 26–28 fevralya 2019 g.)* [The book in the modern world: a place in the cultural paradigm of society in the digital revolution: Materials of the VII International Scientific Conference dedicated to the 155th anniversary of Nikitin Voronezh Regional Universal Scientific Library (Voronezh, February 26–28, 2019)]. Voronezh, Print Publ., 2019. pp. 4–19.
2. Vekshin G. V., Geichenko S. A. *Osnovy stilisticheskoi semantiki* [Fundamentals of stylistic semantics]. Moscow, Moscow Technological University (MIREA) Publ., 2017. 128 p.
3. Vekshin G. V., Shilikhina K. M. [About sources of the wordlist for the “Live stylistic dictionary of Russian language”]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2017, no. 3, pp. 16–20.
4. Kondrashov N. A. *Osip Maksimovich Bodyanskii* [Osip M. Bodyansky]. Moscow, Moscow State University Publ., 1956. 87 p.
5. Kopotev M. V. [To the construction of frequency grammar: Russian cases according to corpus data]. In: *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody* [Instrumentation of Russian Studies: Corpus Approaches]. Helsinki, Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures Publ., 2008. pp. 136–151.
6. Kretov A. A. [Formal analysis of the noun pluralization process using the Russian national corpus]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sistemnyi analiz i informatsionnye tekhnologii* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems analysis and information technologies], 2018, no. 4, pp. 147–161.
7. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
8. Rudelev V. G. [Dynamic theory of parts of speech of the Russian language]. In: *Sobranie sochinenii v 6 tomakh. T. 6. Drug moi – yazyk. Izbrannye proizvedeniya po obshchemu i russkomu yazykoznaniyu* [Collected works in 6 volumes. Vol. 6. My friend – language. Selected works on General and Russian linguistics]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2002. pp. 36–49.
9. Rudelev V. G., Sharandin A. L. [The encryption role of verb grammatical categories]. In: *Teoriya soderzhatel'noi formy* [The theory of substantial forms]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1981. pp. 32–54.
10. Sharandin A. L. [Lexico-semantic categories of the Russian verb]. In: *Semantika yazykovykh edinits. T. 2* [The semantics of linguistic units. Vol. 2]. Moscow, SportAkademPress Publ., 1998. pp. 46–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кретов Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, директор научно-методического центра компьютерной лингвистики Воронежского государственного университета;
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Kretov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Director of the Scientific and Methodological Center of Computer Linguistics, Voronezh State University;
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кретов А. А. Именительный единственного, *pravda* и сингуляроиды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 85–93.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-85-93

FOR CITATION

Kretov A. A. Nominative singular, *pravda* and singularoids. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. 85–93.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-85-93